

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новое
Литературное
Обозрение

ЕЛЕНА ДУШЕЧКИНА

РУССКАЯ ЁЛКА

ИСТОРИЯ, МИФОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2025

УДК 398.332.4(47+57)
ББК 63.521(=411.2)-731
Д86

Редактор серии Л. Оборин

Душечкина, Е.

Д86 Русская елка: История, мифология, литература / Елена Душечкина; 6-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 424 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-2631-7

В России традиция устанавливать елку на Новый год и Рождество долгое время воспринималась как нечто самой собой разумеющееся и потому ускользала от научного взгляда. Книга филолога Елены Душечкиной — первое и наиболее значительное отечественное исследование, посвященное истории и мифологии рождественского/новогоднего дерева. Автор рассказывает, как этот обычай входил в русский культурный обиход, завоевывал популярность, и какие преграды он встречал на своем пути. Обращаясь одновременно к художественной литературе и широкому кругу документальных источников — мемуарам, дневникам, газетам и журналам, — Елена Душечкина бережно реконструирует путь, который прошла елка, прежде чем стать важной частью нашей праздничной традиции. Елена Душечкина (1941–2020) — доктор филологических наук, профессор СПбГУ, выдающийся специалист по русской литературе и культуре.

УДК 398.332.4(47+57)
ББК 63.521(=411.2)-731

В оформлении обложки использована иллюстрация с титульного листа книги «Елка. Поздравительные стихотворения на торжественные случаи» (1872)

© Е. В. Душечкина, наследники, 2002, 2012, 2014, 2023, 2024; 2025
© С. Тихонов, дизайн обложки, 2024
© ООО «Новое литературное обозрение», 2024; 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Дерево в мировой мифологии	13
Культ деревьев на Руси	21
Ель в мировой мифологии	26
«Родины нашей питомица скромная»: Елка в русской народной традиции	45
Петровский указ 1699 года и его последствия	53
«Мы переняли у добрых немцев детский праздник»: Рождественское дерево в России первой половины XIX века	60
Русская елка во второй половине XIX века	76
<i>«Милая немецкая затея»: освоение елки в России</i>	76
<i>«Там детство рождественской елью топорищится»: праздник рождественской елки</i>	82
<i>«В нашей школе тоже елка зажжена»: публичные елки</i>	102
Мифология русской елки	107
Украшение елки. Елочные игрушки	138
Елочные подарки и их дарители	172
Пособия для проведения елки	187
Праздник елки в художественной литературе	194
Елка в русской жизни на рубеже XIX–XX веков	233
История елки после Октября 1917 года	253
Елка в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи	253
«Стал я безродным, какое же мне Рождество?»: Рождественская елка русских эмигрантов	263

<i>Антирождественская кампания. Борьба с елкой</i>	270
<i>Елка «в подполье»</i>	277
<i>«Реабилитация» елки</i>	279
<i>Елка Ильича</i>	298
<i>«Праздник радостного и счастливого детства в нашей стране»</i>	315
<i>«Мы весело пляшем у елки большой»</i>	326
<i>«Пусть детишки помнят праздник»</i>	334
Мифологические персонажи праздника елки	343
<i>Дед Мороз</i>	343
<i>Снегурочка</i>	371
Литература	397

ОТ АВТОРА

Когда я работала над этой книгой, меня не раз с удивлением спрашивали, как мне пришла в голову мысль сделать предметом своего исследования елку. Действительно, наряженное еловое деревце, стоящее в доме на Новый год, кажется нам столь естественным, само собой разумеющимся, что, как правило, не вызывает никаких вопросов. Подходит Новый год, и мы по усвоенной с детства привычке устанавливаем его, украшаем и радуемся ему. А между тем обычай этот сформировался у нас относительно недавно, и его происхождение, его история и его смысл, несомненно, заслуживают внимания.

Мой научный интерес к елке возник в середине 1980-х годов, когда я занялась изучением истории и художественных особенностей русского святочного рассказа. Собирая материал по этой теме, я обратила внимание на то, что до начала 40-х годов XIX века святочные рассказы использовали мотивы, связанные с русскими народными святками (гаданье, ряженье, всевозможная «святочная чертовщина» и пр.), в то время как рождественские мотивы оставались в них совершенно незатронутыми. Однако начиная с этого времени и далее — в течение всего XIX и начала XX столетия — рождественская тематика в произведениях, приуроченных к зимнему праздничному циклу, стала разрабатываться столь же часто и столь же охотно, как и святочная.

При этом во многих рождественских рассказах важную сюжетную роль начинает играть образ елки.

Для того чтобы понять смысл этого образа и его роль в рождественских текстах, мне необходимо было уяснить историю елки в России. И тут обнаружилось, что, несмотря на большое количество исследований, посвященных зимним праздникам русского народного календаря, святочным, рождественским и новогодним обычаям, работы о елке в России практически отсутствуют. Ее происхождение, ее история, смысл и символика до сих пор во многом остаются неизученными. По-видимому, это объясняется тем, что западный обычай использовать на Рождество хвойные деревья, как правило, не привлекал к себе внимания этнографов и фольклористов. Они либо вообще о нем не упоминали, либо же говорили вскользь как об обычае, явно не заслуживающем внимания из-за своей молодости и некоренного происхождения.

Едва ли не единственной попыткой разобраться в вопросе о елке явилась адресованная воспитателям и родителям популярная книжка, вышедшая в Петербурге сто с лишним лет тому назад. Ее автор, священник, педагог и литератор Б. Быстров (известный под псевдонимом Е. Швидченко), писал:

В наше время обычай зажигать на святках елку для детей все более и более распространяется по России. Редкая школа даже по деревням и редкий частный дом в городах не устраивает в это время для детей елки. Все уже так привыкают к этому обычаю, что без елки святки — не в святки, рождественские праздники — не в праздники [507: 3]*.

* Здесь и далее ссылки на литературу даются в тексте в квадратных скобках. Первое число означает номер, под которым произведение значится в списке литературы, помещенном в конце книги, а второе (курсивом) — страницу. При необходимости римской цифрой обозначается том.

Недостаток этнографических и исторических работ о елке в России с лихвой восполняется громадным, буквально неисчислимым литературным материалом. Это стихотворения, рассказы, очерки о рождественских праздниках (которыми с середины XIX столетия стали заполняться святочные и рождественские номера газет и журналов), а также дневники и мемуары, авторы которых, вспоминая годы своего детства, как правило, не только не забывают рассказать о первых «елочных» впечатлениях, но, наоборот, описывают их тщательно и подробно. Занимаясь историей елки в России, я убедилась в том, насколько эта история сложна, интересна и поучительна.

В наше время новогодняя или рождественская елка представляет собой совершенно ординарное, привычное и всем хорошо знакомое явление. В последние десятилетия этот обычай распространился по всему миру и постепенно усваивается даже нехристианскими народами, в том числе и живущими на территории нашей страны. Однако процесс «прививки елки» в России был долгим, противоречивым, а временами и болезненным. Этот процесс самым непосредственным образом отражает настроения, пристрастия и состояние различных слоев русского общества. В ходе завоевания популярности елка вызывала восторг и неприятие, полное равнодушие и даже вражду. Прослеживая историю русской елки, можно увидеть, как постепенно меняется отношение к этому дереву, как в спорах о нем возникает, растет и утверждается его культ, как протекает борьба с ним и за него и как елка наконец одерживает полную победу, превратившись во всеобщую любимицу. Нетерпеливое ожидание елки детьми и ее явление в Рождественский сочельник или в новогодний вечер становится одним из самых счастливых и памятных переживаний ребенка. Елки детства запечатлеваются в памяти на всю жизнь.

Как сможет убедиться читатель, излагая историю и мифологию русской елки, я широко использую как документальные свидетельства о ней (мемуары, дневники, газетную и журнальную информацию), так и художественные тексты (прозаические и стихотворные). Я понимаю, что последнее обстоятельство может вызвать недоумение: разве можно при воссоздании истории того или иного явления полагаться на художественный вымысел? Это недоумение вполне оправдано. Постараюсь объяснить свою позицию. Во-первых, литературные произведения не в меньшей, если не в большей, степени, чем документальные тексты, предоставляют возможность проследить, как возникали и не раз менялись приписываемые елке символические значения. Мифология елки создавалась и поддерживалась в большой мере именно художественной литературой. Во-вторых, собирая материал о елке, я не раз убеждалась в том, что если в литературном произведении описываются те или иные подробности праздника елки, то это означает, что они уже вошли в жизнь. Так, например, если в печати появляется стихотворение, рассказывающее о празднике елки в детском приюте, то это свидетельствует о том, что в детских приютах уже начали устраивать елки. Если в том или ином рассказе мимоходом сообщается, что под елкой или на рождественской магазинной витрине установлена фигура старика с елкой, можно не сомневаться, что в обществе уже возникло представление о Деде Морозе как главном «елочном» персонаже. И наконец, если в каком-нибудь рассказе конца XIX века упоминается о висящей на елке электрической гирлянде, то это значит, что помимо традиционных свечей при освещении дерева уже начали использовать электрические лампочки. Разумеется, с подобного рода «художественной информацией» я старалась обращаться как можно осторожнее, хотя использовала ее достаточно широко.

Излагая материал, я привожу множество цитат, зачастую довольно объемных. Нетерпеливый читатель может спокойно их пропускать (они, как правило, выделены в отдельные абзацы), следя за развитием сюжета. Тот же, кто любит подробности, характеризующие как эпоху, так и описывающего эти подробности человека, может получить (как мне хочется надеяться) такое же удовольствие от этих цитат, которое получала от них я. Так, например, читатель встретится с воспоминаниями о семейном изготовлении елочных игрушек. Такие рассказы убеждают нас в том, сколь цепкой и прочной оказывается человеческая память, позволяющая много лет спустя до мельчайших деталей воспроизводить процесс делания китайских фонариков; как хранят руки ощущения от прикосновений к выпуклостям и извилинам орехов, которые золотились этими руками десятилетия назад; как губы, много лет назад отдувавшие легкие, сияющие листки тончайшей серебряной и золотой бумаги, помнят ласковые прикосновения этих листков.

Обычай устраивать на зимних праздниках елку тесно связан с исконным в мировой мифологии культом деревьев. Поэтому я начинаю свой рассказ о русской елке кратким обзором, посвященным образу дерева у разных народов, после чего следуют очерки о мифологии ели. Эти части моей работы не претендуют ни на новизну, ни на полноту: дереву как одному из самых универсальных мифологических образов посвящено множество серьезных исследований.

Сюжет о русской елке в основном излагается в исторической последовательности, хотя иногда мне приходилось то забежать вперед, то возвращаться назад. Заключается книжка очерками о главных «елочных» персонажах — Деде Морозе и Снегурочке, историю формирования которых в русском сознании я стремлюсь проследить с самого начала

и до настоящего времени. В последние два десятилетия мы явились свидетелями (а в определенной степени и участниками) глобальных перемен в нашей жизни. Эти перемены не могли не отразиться и на елке. Современная елка требует специального исследования. Мною эта тема почти не затронута.

Я писала эту книгу для всех, кому может оказаться интересной судьба русской елки, и мне хотелось, чтобы она была понятна всем: и школьникам, и студентам, и уже немолодым людям, которым она напомнит, быть может, их детские новогодние праздники. Адресуясь к так называемому широкому читателю, я тем не менее сохранила весь справочный аппарат, для того чтобы каждый заинтересованный в истории елки в России смог обратиться к источникам, которые я использовала, и для того, чтобы каждый желающий смог продолжить, дополнить и исправить мое исследование.

В процессе работы мне помогали многие люди — справками, участием, заинтересованностью в теме моего исследования. Всех здесь не перечислить, но к каждому из них я испытываю чувство глубокой признательности.

Научный интерес к елке поддерживался и подогревался моим личным отношением к ней. С тех пор как я помню себя, ее образ присутствует в моем сознании. Я помню свою первую елку, которую мама устроила для меня и моей старшей сестры. Было это в конце 1943 года в эвакуации, на Урале. В трудное военное время мама все же сочла необходимым доставить своим детям эту радость. С тех пор в нашем доме ни одна встреча Нового года не проходила без елки. Среди украшений, которые мы вешаем на нашу елку, сохранилось несколько игрушек с тех давних пор. К ним у меня особое отношение.